

3-й годъ изданія.

Цѣна отд. № въ Петербургѣ и въ провинціи — ДВѢ коп.

СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 23 февраля 1914 г. № 2199

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 23 февраля 1914 г. № 2199

ресная для изучения творческих процессов Чехова обложка нашлась среди его бумаг, которая еще вообще держалась в большем порядке. А записная книжка, не меньшего интереса, сохранилась у его жены, О. Л. Книппер. Весь этот материал, представляющий как бы записки работы дорогого писателя, вместе с некоторыми, раньше неизвестными, беллетристическими, преимущественно — в драматической форме, произведениями, с немногими публицистическими статьями и письмами к Чехову Михайловскому, Григоровичу, Плещееву, еще других, в скором времени будет опубликован в особом чеховском сборнике. Я пишу возможность теперь же познакомить читателя, хотя бы в небольшом отрывке, с записною книжкою и с листочками из упоминавшейся обложки. Можно думать, что сам А. П. Чехов придавал этим материалам немалое значение, — по крайней мере, большую часть своих записей он как-то переписывал паблочно в особую тетрадь. Ручкою щедрою и талантливою разсыпаны тут «сюжеты для небольшого рассказа». И не раз, когда читаешь коротенькую записку «сюжета», берешь обложку, что не вылилось это в законченный рассказ, повесть. Иногда ярко-чеховская печать лежит на записи. И, законченная, схематичная, она оставляет под сильным впечатлением. В записной книжке, которая велась от 1892 года и до смерти, записана Чеховым, для примера, такая тема:

«Страшная бедность. Положение безвыходное. Мать — вдова, дочь — двушка, очень красивая. Мать, наконец, собралась с духом и советует дочери идти на бульвар. Она когда-то в молодости тайком от мужа ходила, чтобы заработать на наряды. У нее есть некоторый опыт. Она учит дочь. Та идет, ходит до утра, но ни один мужчина не берет ее: безобразна. Дня через два шла по бульвару три каких-то безобразника и взяли ее. Она принесла домой бумажку, которая оказалась лотерейным билетом, уже нигде негодным».

Цылая трагедия жестоких будней...

Может быть, в какой-нибудь связи с сейчас приведенной записью находится другая, отвлеченная значительным промежутком:

«И она стала заниматься проституцией и уже спала на кровати, а обвинявшая тети уже ложилась на коврик около ее постели и вскакивала, когда звонили гости; а когда они уходили, она говорила жеманно, с кокетливой гримасой:

— Оставьте, что-нибудь горничной.

И ей иногда оставляли 15 копеек».

Нить, конечно, никаких оснований утверждать, но можно все-таки догадываться, что в обиход этих записей отразился один занимавший Чехова «сюжет для небольшого рассказа».

И еще сюжет в полной мере чеховский, с деталями, только ему доступными:

«Бездарный ученый, тулица, прослужил 24 года, не сдвигая ничего хорошего, дав миру десятки таких же бездарных, узких ученых, как он сам (несколько, когда читавши эту записку, приходило на память Серебряков из «Дяди Ваня»). Тайно по ночам он переплетает книги — это его истинное призвание, здесь он артист и испытывает наслаждение. К нему ходит переплетчик, любитель учености. Тайно по ночам занимается наукою».

У Чехова есть рассказ «Почтальон», один из самых прекрасных, весь пропитанный глубокою печалью. Он основан на фактах, несмотря на совершенную реальность сюжета, при чтении одной коротенькой записки, потому что есть тут большая общность в самой комбинации элементов сюжета. «Классная дама N, видя вечером в дом, услышала от знакомой, что брат X. влюблен в нее, хочет сделать предложение. N., некрасивая, никогда раньше не думавшая о браке, пришла домой, долго

дрожать от страха, потому не спит, плачет, всю ночь выжидает в X. А в полночь узнает, что то было только предположение, что X. женится не на ней, а на Y.». Эта некрасивая гувернантка — родная сестра того штабс-капитана Рабонича, с бабками, как у рыси, которого по ошибке поцеловала в темной комнате, приняв за другого, незнакомая, прекрасная женщина. Теперь, после этой ночи в ожидании предложения, которого никогда не будет, гувернантка жизни, ей будет казаться «необыкновенно скудной, убогой и безвкусной», как и Рабоничу...

Приведу еще «сюжет для небольшого рассказа», весь так и пропитанный, даже в своем коротеньком, схематическом виде, чеховскою атмосферою. «20 лет любила Z., 24 — вышла за N. не по любви, а по расчету, что это добрый, умный, идейный человек. Супруги N. живут хорошо, все заводится, и в самом деле жизнь проходит гладко, ровно, она довольна и, когда говорит о любви, высказывает то мнение, что для семейной жизни нужна не любовь, не страсть, а привычка. Но как-то вдруг заиграла музыка, внутри в груди вдруг все тронулось, точно весенний лед, она вспомнила Z., свою любовь к нему и с отчаянием подумала, что ее жизнь сгублена, испорчена навеки, что она несчастна, — потому прошло. Через год опять был такой же припадок при встрече нового года, когда поздравляли с новым счастьем, и в самом деле захотелось нового счастья».

Чехов был в стороне от «политики». Но он пристально приглядывался к тому, что делается. И иногда в его словах — не только очень мяткая определенная, но и истинная пророчества, в значительной мере уже сбывающиеся. В этом смысле особенно интересна первая же записи на листочках в обложке. «Великие события, — записывает тут, между прочим, Чехов, — застанут нас врасплох, как спящих дров, и вы увидите, что купец Сидоров и какой-нибудь учитель уездного училища из Ельца, выдающие и знающие больше, чем мы, отбросят нас на самый задний план, потому что сдвигают больше, чем все мы вместе взятые. И я думаю, что если бы теперь вдруг мы получили свободу, о которой мы так много говорим, когда грызем друг друга, то на первых порах мы не знали бы, что с нею делать, и тратили бы ее только на то, чтобы обличать друг друга в газетах в шпионство и пристрастия к рублю, и запугивать общество уверениями, что у нас нет ни людей, ни науки, ни литературы, ничего, ничего! А запугивать общество, как мы это делаем теперь, и будем делать, — значит отнимать у него бодрость, то есть прямо расписываться в том, что мы не имеем ни общественно-го, ни политического смысла. И я думаю также, что, прежде чем заблестит заря новой жизни, мы обратимся в злобных старух и стариков, и первые с ненавистью отвернемся от этой зари и пустим в нее клевету...» Вообще, нету трюки звучать в чеховской записной книжке, несмотря на то, что там она была юмором, гораздо чаще, там была грусть, горькая. Попадаются, между прочим, такая запись: «Мы хлопочем, чтобы изменить жизнь, чтобы потоки были счастливы, а потомки скажут по обыкновению: прежде лучше было, теперешняя жизнь хуже прежней».

В первой части чеховского сборника, который выйдет в издании московских писателей, напечатаны найденные при разборке чеховского архива сестрой покойного писателя беллетристические отрывки, прежде всего — одноактный драматический этюд, совершенно законченный, «на большой дороге». На предпоследней в драматическую пьесу «Анна Каренина» — пьеса петрова Фоты-Александровича: «В преддверии пришло негодное». 25 сентября 1885 г. Неудобно. Вечером и т. п. и т. п.

п а я пьеса — не может быть доведена. В. запрещенно». Второй драматический отрывок — «Ночь перед судом». Мы — на почтовой станции, куда приехали Зайцев, которого застра судить в окружном суде за покушение на дробленство, за подделку бланки-наго записания и за покушение на убийство биллиардного маркера. На той же станции — важный старик с хорошенькой женой. Зайцев выдает себя за доктора, подманивает за Зиночкой. Этим остался незавершенным, а сюжет его был обработан Чеховым в рассказ с таким же, как этюд, названием. Третий драматический этюдик — юмористическая «Скорая постыжная конская смерть или великодушное русское пародия» — знакомый по спектаклю московского артистического кабаре «Летучая Мышь».

Составительницею этого сборника рукописи писателя любовь к дорогому писателю и благоговящее отношение к каждой строчке, что вышла из-под его пера. И конечно, с признательностью будет встречен сборник всеми, кому близок и дорог Чехов.

Н. З.

Из записных книжек Чехова.

Беллетрист Тригорин всегда ходит с записною книжкою, часто записывает в нее мелькнувший «сюжет для небольшого рассказа», а то просто отвлеченную красивую мысль, наблюдение в окружающей характерную подробность, мелькнувшее в сознании сравнение, образ.

Эта записная книжка беллетриста — перточка, так сказать, автопортретная, хотя вообще Тригорин — меньше всего автопортрет Чехова.

И у самого Чехова была такая книжка беллетриста, в характере записей совпадающая с тригоринскою. Кроме того, Чехов записывал такого рода записки на отвлеченные источники бумаги и собирал эти листочки в особую обложку, на которой написано его рукою: «Темы, мысли, заметки, отрывки». Эта чрезвычайно инте-